

Геополитический контекст евразийских интеграционных процессов на примере ситуации в Беларуси

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич

Профессор департамента интегрированных коммуникаций, факультета коммуникаций, медиа и дизайна, НИУ «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Кризис в Белоруссии продемонстрировал появление существенно изменившейся модели организации и управления социально-политическими процессами на постсоветском пространстве. Поствыборный кризис в Белоруссии стал, безусловно, продуктом внутренних процессов, обостренных целым рядом краткосрочных обстоятельств, начиная от последствий пандемии коронавируса и заканчивая чрезмерной уверенностью властей в эффективности административных методов управления социально-политическими процессами. Ситуация в Белоруссии была обострена одновременным выгоранием и модели экономического развития, и модели обеспечения социальной стабильности. Эти внутренние источники кризиса наложились на непонятое руководством Белоруссии изменение вектора геоэкономических процессов в регионе, связанное с обострением противоречий внутри Европейского Союза и стремлением США реализовать потенциал своего влияния на политику стран «Новый Европы», стремящиеся выступить в качестве самостоятельных геополитических и геоэкономических игроков. Ситуация в Белоруссии важна для России и других стран Евразии тем, что, несмотря на наличие уникальных черт, связанных с особенностями не только политической, но и социальной ситуации в Белоруссии, кризис поствыборный кризис и протесты вполне вписываются в общемировые тренды и затрагивают уязвимости, характерные для многих стран Евразии.

Ключевые слова: протесты в Белоруссии, цивилизационные противоречия, геоэкономика, постсоветское пространство, евразийская интеграция

Дата публикации: 07.10.2020

Ссылка для цитирования:

Евстафьев Д. Г. Геополитический контекст евразийских интеграционных процессов на примере ситуации в Беларуси // Евразия. Эксперт – 2020. – Выпуск 1-2 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.eurasia.expert/S11111110011731-7-1> (дата обращения: 02.05.2024). DOI: 10.18254/S271332140011731-7

¹ **Введение** Центральным узлом сегодняшнего глобального геополитического и геоэкономического развития современного мира стали процессы регионализации мировой экономики, встречающие противодействие со стороны США. Для США регионализация глобальной экономики и, как следствие, - политики будет означать утрату значительной части потенциала глобального влияния. Они пытаются сдерживать возникновение относительно самодостаточных экономических систем в важнейших регионах мира. В рамках такого подхода США отходят от классической для американской внешней политики концепции формирования управляемого в соответствии с американскими интересами и подходами мирового порядка [Киссинджер, 2017]. Американская политика начинает допускать «хаотизацию» в регионах, которые могут быть важными для конкурентов Вашингтона, но не могут быть поставлены под американский контроль. Это изменение модели не было в достаточной мере отрефлектировано другими игроками в системе международных отношений, не исключая Россию, Китай и страны «старой Европы», что и привело к просчетам в оценке целеполагания США (даже с учетом раскола американской элиты) в последние полтора-два года.

² Иными словами, перспективам глобального «беспорядка», транзитирующего сейчас из экономической в социальную экономическую сферу¹ США стремятся противопоставить подход, основанный на фрагментации глобальной «повестки дня» и формирования локализованных систем взаимодействия, основанных на различных принципах [Хаас, 2019]. Это фактически, означает проведение принципов не просто «двойных стандартов», а «ситуативных стандартов» в зависимости от приоритетности той или иной страны или направления. ого политического стандарта, что сохраняет за США максимальную свободу рук в каждой отдельной ситуации. Республика Белоруссия в силу своего географического положения и характера политических и социальных процессов является важным элементом формирования самодостаточного регионального геоэкономического пространства в Евразии, но в силу характера внутренних процессов и отношений с внешними силами не может быть поставлена под контроль коалиции, где доминировали бы США.

3 С учетом вышесказанного автор формулирует следующую гипотезу. Поствыборный кризис в Республике Беларусь должен рассматриваться – безусловно с учетом уникальности целого ряда условий – в принципиально новом контексте развития ситуации в Европе и Евразии. И с этой точки зрения он методологически и политически важен, как индикатор новых аспектов развития и новых социальных процессов, важных для Евразии в целом. Уникальность, нетиражируемость политического кризиса в Беларуси не должна переоцениваться.

4 **Контекст**

5 Кризис в Республике Беларусь не может рассматриваться в качестве исключительно изолированного эпизода, связанного лишь с политическими и даже с социально-политическими просчетами руководства страны. Обозначим несколько факторов, формировавших контекст вокруг политических процессов в Беларуси:

6 • Обострение противостояния России и «коллективного Запада», отражающую утрату Западом иллюзий о возможностях изменений политики России в режиме использования «мягкой силы» и влияния в определенных сегментах российской элиты. Вероятно, рубежным моментом следует считать принятие поправок в Конституцию в июне-июле 2020 года, которые создали принципиально иную политико-правовую ситуацию в стране.

7 • Активная политика США по формированию новых опорных систем в Европе, сдерживающих экономическую и политическую самостоятельность «старой Европы». Администрация Д.Трампа отходит от акцентированного анти-атлантизма, характерного для начального периода своего правления, стараясь переконфигурировать «атлантическую солидарность» в свою пользу, сохраняя видимость диалога с партнерами. Вашингтон осознает ценность «ситуативной коалиционности».

8 • Перенос американо-китайского противостояния в Европу, которая начинает рассматриваться в США как приоритетное конкурентное пространство, причем не только в финансово-инвестиционной сфере и технологической сфере², но уже и в пространственно-геополитической [Аллисон, 2019]. Развитие Минском сотрудничества с Китаем в последние годы естественным образом включало Беларусь в это пространство конкуренции.

9 • Обострение конкуренции за контроль над европейским рынком энергоносителей, сохраняющим статус наиболее перспективного и платежеспособного, несмотря на сложные и неоднозначные процессы в экономике стран ЕС, связанные в том числе, и с последствиями коронавируса.

10 • Активизация Польши в союзе с прибалтийскими лимитрофами, попытка реализации значимых геоэкономических проектов («проект Междуморья»), в которых составным компонентом станет американский протекторат с усиленным военным присутствием. Эти страны стремятся получить максимум политических и экономических дивидендов из нарастающего противостояния между США и странами «старой Европы», компенсировав возможное сокращение поддержки со стороны общеевропейских структур.

11 Этот контекст предполагал неизбежность возникновения прямого столкновения не столько России и Запада в Беларуси, сколько интересов в пользу формирования общеевразийского центра экономического роста с опорой на Союзное государство РФ и РБ, стремления внешних игроков создать пространство управляемой или даже неуправляемой дестабилизации на восточных границах Евросоюза с перспективами изменения организации политического пространства, но лишаящего европейские страны безопасного выхода на условно «восточные» рынки и планов по созданию нового геоэкономического пространства, способного претендовать на региональную геополитическую гегемонию. Ситуация локально была обострена попытками руководства РБ реализовать потенциал многовекторности в неблагоприятно меняющемся геополитическом ландшафте.

12 Это и обусловило, с одной стороны, остроту политической конфронтации, а, с другой стороны, - его видимую бесцельность: все возможные цели сторон были реализуемы только в среднесрочной перспективе. В краткосрочной перспективе политически институционализируемых целей не было ни у одной из сторон, если не считать цели хаотизации политического пространства Беларуси, которую преследовали прямые спонсоры белорусской оппозиции и организаторы протестов.

13 **Кризис в Беларуси как апробация новой протестной модели**

14 Внешне кризис в Беларуси в целом ложится в сценарий «цветной революции», но есть и ряд отличий, во многом связанных с осмыслением опыта новой «городской протестности», наблюдавшийся нами в последнее время.

15 • Кризис развивался в пространстве экономической иррациональности, когда обе условные стороны противостояния не смогли сформулировать никаких экономических идей, адекватных новой геоэкономической ситуации. Политическое, а на завершающем этапе кризиса, - национально-политическое противостояние развивалось на фоне конкуренции двух уже ставших неактуальными экономических парадигм: «сохранения государственно-монополистического капитализма», ставшего неэффективным, и «интеграции в Европу» на фоне отсутствия реального интереса Европы к такой интеграции. Это отражало стремление внешних сил, управлявших протестами, не просто к дезэкономизации протестной деятельности, но к построению протестности на базе социальной иррациональности, в отличие, например, от Украины, где экономическая мотивация все же присутствовала.

16 • Это был не просто «протест без лидеров», но и протест, управляющий центр которого находился за пределами государства. Это показывает новые возможности управления с использованием современных систем коммуникаций. Такая модель пока оказалась недостаточной, чтобы привести к кардинальному выигрышу в политическом противостоянии. Проблемой оказалось невозможность управлять протестом в поле особенно в условиях активного противодействия со стороны властей. Но белорусский опыт доказывает, что такой «дистанционный» подход, максимально безопасный для

организаторов дестабилизации, вполне достаточен для создания среднесрочной нестабильности в отдельных регионах страны, что является условием для потенциальной гуманитарной интервенции.

- 17 • Кризис в Белоруссии продемонстрировал и частично успешный пример захвата контроля над гражданским обществом внешними силами на этно-религиозной основе. Такая ситуация сложилась в результате сознательного уничтожения властями политической и социально-политической жизни в стране, выдавливания ее в несистемную, а в ряде случаев, - в прямо антисистемную сферу. Эта ситуация не нова, но впервые в ходе кризиса в Белоруссии она реализовывалась в условиях тесного изначального сращивания с политического и этно-религиозного аспектов. Это существенно усиливает дестабилизирующий эффект в целом ряде регионов, где государственно-территориальное размежевание носит условный и исторически неустоявшийся характер: в значительной части пограничья Евразии и в ряде внутри-евразийских пространств, как на Юго-Востоке, так и на Западе.

18 Можно предположить, что и дальше ситуация вокруг Белоруссии будет развиваться с нарастающим акцентом на геополитические в широком смысле (военно-политические и национально-политические) аспекты ситуации. Что может отражать смену парадигмы расширения влияния Запада на Восток: понимание невозможности полноценной экономической интеграции новых восточных земель в экономическую систему Запада в условиях нарастающей ограниченности ресурсов. С этим, вероятно, и связаны заявления о нежелательности для Запада повторения «украинской модели» в Белоруссии, но это же определяет и допустимость сценария хаотизации в отношении этой страны³. Важно, однако, признать, что особенности развития поствыборного кризиса отражают не только страновые особенности социально-политической системы Белоруссии, но и более широкий спектр факторов, напрямую касающихся влияния глобальных процессов на ситуацию в постсоветской Евразии.

19 **Кризис в Белоруссии, как зеркало общеевразийских процессов**

20 Процессы в Белоруссии отражают четыре важнейшие тенденции, характерные в целом для большинства стран Евразии:

21 Первое. Совмещение внешнеполитических и внутренних рисков для устойчивости государства, вплоть до рисков утраты территориальной целостности. Социально-политический кризис в Белоруссии развивался на фоне не просто активного участия внешних сил, но через «прорастание» внешних сил, зачастую негосударственного формата, в социальные структуры и систему социальных отношений белорусского общества. Ситуация в Бресте и Гродно, где фактически, имела место попытка создания трансграничных этно-социальных систем, имевших явный потенциал последующей политической институционализации, исключительно показательна. Складывающаяся модель можно назвать «новой социальной гибридной», способной проявиться и в других государствах Евразии, прежде всего, в Центральной Азии и Прикаспия, где для возникновения подобных трансграничных информационно-социальных гибридных структур есть достаточная социальная и этническая база. В качестве основы для таких систем могут выступать и пространства трансграничных логистических коридоров.

22 Второе. На примере кризиса в Белоруссии мы наблюдали кризис постсоветских моделей функционирования систем власти, даже там, где они были традиционно устойчивы, напрямую вызванный разрывом системы обратной связи между властью и обществом, но также и фрагментацией элит под воздействием неблагоприятных геоэкономических процессов. Ни одна из стран Евразии не смогла в полной мере преодолеть вызов снижения эффективности управления в условиях социальной атомизации и разрушения социальных институтов, традиционно считавшихся опорными (например, политических партий, аффилированных с властью). Этот общий для всего мира кризис не столько моделей, сколько форматов управления, особенно в экономической сфере [Стиглер, 2017]. Эта ситуация характерна для всех постсоветских государств, будучи осложненной высокой степенью внешней уязвимости систем управления, равно как и финансово-экономических систем.

23 Третье. Кризис в Белоруссии продемонстрировал не просто кризис локальной специфически белорусской социальной модели, основанной на сохранении рудиментов социалистического патернализма. Протесты в Белоруссии повторили многие компоненты «новой городской протестности», свойственной в целом современному миру и связанной с разрушением традиционных социальных институтов организации городских социальных систем и возникновением имманентно социально нестабильных слоев с флюидным режимом занятости и, фактически, выведенных за рамки «общественного договора», получивших наименование «прекариат» [Стэндинг, 2014]. Как в Белоруссии, так и в других странах Евразии ситуация осложняется критической деградацией не только советских, но и постсоветских социальных институтов, что связано с кардинальным изменением социально-демографической структуры общества. Характерно, что движущей силой протестной активности является молодежь, освоившая все основные современные технологии, в особенности, - цифровые, но не видящая себе места в существующих, как правило, - застойных социально-политических. Но эта ситуация вполне ложится в глобальную концепцию «цифровой космополитической молодежи»⁴, как наиболее динамично, но неустойчиво развивающейся социальной группы современного мира.

24 Четвертое. Кризис в Белоруссии продемонстрировал выход информационно-политических манипуляций на новый уровень. И это является одним из наиболее опасных факторов, актуальных для значительной части Евразии, где наблюдается нарастающий разрыв между социально-активными общественными слоями и властью на фоне падения эффективности традиционной государственной пропаганды. Важнейшим фактором информационных манипуляций, требующим тщательного осмысления, не просто полная дезэкономизация протеста, но его максимальная де-рационализация, сведение к простейшему для восприятия противостоянию визуальных символов и отдельных внеконтекстных, по сути, лозунгов-идентификаторов, в том числе, и относящиеся к социо-культурной архаике. Мы наблюдаем попытки превращения «протеста» в самоцельную политическую идеологию, ставшую сравнительно эффективным инструментом консолидации и управления протестной деятельностью.

25 **Геоэкономические процессы: обще-евразийский эффект**

26 Тенденция превращения Евразии в пространство конкуренции ведущих промышленных держав сохраняет свою актуальность. И ситуация в Белоруссии, во многом определявшаяся конкуренцией ЕС-Россия-Китай, казалось бы, должна была

подтвердить эту гипотезу, как и рассчитывало руководство Белоруссии. Но политическая практика показала, что в условиях отсутствия у власти устойчивой социальной базы и перенесения подкованных противоречий в плоскость публичной политической борьбы, у одной из политических сил возникает иллюзия слома существующего многовекторного равновесия (по определению неустойчивого). Проблема заключалась в том, что момент завязки белорусского кризиса сформировалась разнонаправленность поведения различных игроков в ЕС, а главное, - принципиальные различия в базовой логике их поведения, что и сломало изначальную логику манипуляций⁵.

²⁷ Но такая же ситуация может возникнуть и в ряде других стран. Например, в Казахстане и Армении и в этом случае она также будет иметь эксплицитные общественно-политические последствия. Россия также не защищена от такого варианта развития ситуации в случае ухудшения социально-экономической ситуации. Приходится констатировать что в условиях объективной, как минимум, стагнации процессов общеевразийского развития, а, вероятно, и демонтажа части их архитектуры, внешние экономические процессы приобретают большую важность. Принципиальным моментом, способным в среднесрочной перспективе определять процессы развития в Евразии, будет сочетание возникновения по периметру Евразии новых или обострения традиционных точек военно-силовой напряженности, и формирования потенциальных фокусов регионализованного экономического роста. Сохранение при нынешних тенденциях развития геоэкономической, а с ней, - и геополитической целостности Евразии, будет крайне затруднительно. Но фрагментация евразийского пространства будет создавать риски фрагментации и на уровне национальных государств, которые в большинстве своем не представляют собой целостные экономические системы.

²⁸ Как представляется, ситуация в геоэкономических и геополитических трансформациях в Евразии определяется следующими факторами:

²⁹ • Усложнение для стран Евразии доступа к глобальным финансовым и инвестиционным ресурсам. Если раньше этот аспект касался только России и был связан с политическими причинами, то теперь причины сужения инвестиционных возможностей становятся все более экономическими. Возможности покрывать внутреннюю неэффективность и убыточность экономических систем за счет внешних источников сокращаются. Встает вопрос о доступности инвестиционных ресурсов, ранее выведенных на внешние, как казалось, более безопасные рынки.

³⁰ • Сужение в результате глобальной экономической стагнации возможностей сохранять приемлемые темпы экономического роста за счет глобальных тенденций, причем даже в ситуации отсутствия глобальной экономической деструкции. Это касается, как государств, ориентированных на присутствие на сырьевых рынках (Россия, Казахстан, Узбекистан), так и государств, стремящихся сохранить промышленную составляющую своей экономики (Белоруссия).

³¹ • Сокращение возможностей большинства глобальных игроков для расширения влияния и экономически эффективного контроля над новыми пространствами. Ни один из крупнейших игроков глобальной экономики: ни США, ни ЕС, ни даже Китай в настоящее время не имеет достаточных ресурсов для социально-экономической модернизации и даже относительной экономической стабилизации. Одновременно обостряется борьба за контроль над новыми логистическими коридорами, но в формате максимальной экстерриториальности. Это заметно по эволюции подходов к проекту Великого шелкового пути.

³² Суммируя, можно констатировать, что реальных ресурсных (экономических и политических) возможностей для продолжения многовекторной политики нет ни у одного государства Евразии. Их нет и у большинства государств, находящихся по периметру Евразии. Им придется примыкать, как минимум на временной основе к той или иной глобальной силе, беря на себя соответствующие политические и экономические риски. Правомерно говорить о возникновении запроса на «новую коалиционность» в противовес феодализации отношений на «коллективном Западе» с пониманием того, что «новая коалиционность» может стать впоследствии основой для реализации модели «коалиционной полицентричности», как переходной формы к многополярности.

³³ Как результат среднесрочно приемлемым становится сценарий не перехода того или иного государства из одной сферы влияния в другую, обеспечивающий сохранение элитой своих активов и влияния (реализованный частично с колоссальными издержками для населения на Украине и в Молдавии), но хаотизации пространства. В этом сценарии инициаторы процессов не имеют потребности во взятии на себя обязательств перед местными элитами, более того, - снимается потребность в жестком контроле над развитием политического протеста. Смысл сценария – не дать возможности конкурентам установить свой контроль над ценными в ресурсном и логистическом отношении пространствами Евразии. Но на политическом уровне это означает возможность максимально деструктивного противодействия интеграционным проектам и социокультурным тенденциям.

³⁴ **Заключение** События Республике Белоруссия уникальными по внешней форме и формату, поскольку были инструментом апробации новых технологий управляемой дестабилизации социально-политической ситуации в суверенном государстве с опорой на внешние силы, но по своей сути, по своему социально-политическому содержанию они не уникальны и отражают многие общие тенденции не только для Евразии, но и для всего мира в целом. Кризис в Белоруссии стал примером сочетания локальных и общемировых дестабилизирующих факторов в условиях несамодостаточности экономики и высокого уровня информационной уязвимости.

³⁵ Кризис в Белоруссии, вероятно, следует рассматривать как одно из проявлений кризиса социокультурной (цивилизационной) самоидентификации, в условиях относительной инвариантности экономической стороны вопроса. Степень отрыва социокультурной составляющей от экономической в белорусском протесте, вероятно, была уникальна по сравнению со всеми значимыми протестными ситуациями на постсоветском пространстве. Феномен протестов в Белоруссии отражает сочетание максимальной технологичности систем управления и информационных манипуляций и фактически, предельного упрощения содержательной стороны политических процессов, почти архаизации социального сознания и механизмов самоидентификации особенно на «пиковом» этапе протестов. Борьба за социально-идеологическую «повестку дня», становится одним из центральных вопросов глобальной конкуренции.

36 Вполне корректно рассмотрение ситуации в Белоруссии в контексте не локализованного политического или даже геополитического противостояния, но как часть более глубоких цивилизационных процессов. Дестабилизационные процессы включали и значительный элемент социокультурной самоидентификации, построенной на выборе между двумя псевдо-политико-экономическими, а на деле – цивилизационно-идеологическими парадигмами. Существенно повышается значимость сохранения целостности социокультурного и информационного пространства Евразии для дальнейшей ее геоэкономической консолидации. Это обстоятельство объективно повышает значимость не только политической, но и социокультурной надстройки как в Союзном государстве России и Белоруссии, так и в ЕАЭС.

37 Это возвращает нас к вопросу о необходимости рассмотрения международных процессов в рамках изначально более широкой методологической системы, вероятно, методологически близкой к принципам мир-системного анализа Э.Валлерстайна [Валлерстайн, 2018], однако с существенной поправкой не только на социально-экономические, но и информационно-политические особенности государств.

38 Наконец, следует признать, что в современных условиях любые практически значимые интеграционные инициативы в реальном секторе экономики, даже без политической составляющей, но с пониманием значимости социальных и социокультурных факторов, могут сыграть роль фактора противодействия тенденциям хаотизация, хотя, конечно, и не являются гарантией от негативных сценариев. Но интеграционные усилия способны, как минимум, обозначить перспективы развития и формирования нового социального каркаса общества.

Примечания:

1. Дарья Исполитова ««Век беспорядка»: что Deutsche Bank предсказал миру»// Gazeta.ru, электронный ресурс. 10.09.2020. Режим доступа: >>>>.

2. [Adam Segal](#) «The Coming Tech Cold War With China. Beijing Is Already Countering Washington's Policy»// Foreign Affairs, September 9, 2020, >>>>

3. **Более подробно особенности информационно-политических манипуляций в ходе белорусского поствыборного кризиса были рассмотрены автором в Дмитрий Евстафьев: «Кризис в Республике Белоруссия: новый уровень социо-информационных войн»// Еженедельник «Звезда», электронный ресурс, 07 сентября 2020 г. Режим доступа: >>>> . Характер информационно-политических манипуляций однозначно свидетельствует о том, что главной целью была максимальная радикализация как настроений в общественном мнении, так и ответной реакции властей, действовавших в ситуации почти полностью нарушенной обратной связи с ключевыми группами в обществе.**

4. Нельзя не заметить, в белорусских протестах двух важнейших элементов: противопоставление протестующей молодежи базовому «молчаливому консенсусу стабильности», характерному для Белоруссии, вероятно, в большей степени, чем для Евразии в целом, а во-вторых, очевидная анклавность сознания, связанная, вероятно, с тем, что социальной опорой для «актива» протестного движения были люди, активно задействованные в секторе цифровой экономики, для которых были в принципе характерны воспроизводство социальной и социально-политической «киберутопии», оторванной от реалий практической социально-экономической жизни [Цукерман, 2015, с.56] является вполне обычным делом. Но это обозначает важнейшее и пока не осознанное в Евразии до конца обстоятельство: наличие механизма воспроизводства политической космополитичности в подобных сообществах, если они не вписаны в технологические цепочки реального сектора.

5. >>>> «Геополитика против ценностей: почему у ЕС нет антикризисной стратегии для Беларуси»//Электронный портал «Эксперт.Евразия». 08 сентября 2020 г. Режим доступа: >>>>

Библиография:

1. Аллисон Г. Обречены воевать. Пер.с англ. – М.: Издательство АСТ, 2019, 416 с.

2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. Пер. с англ., Вступительная статья и прил. Г.М.Дерлугьяна. Изд.2е, испр. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018, 304 с.

3. Дзермант А. «Западный фронтир»//ИМНО Club. Электронный ресурс. 28.10.2019, режим доступа: https://imhoclub.by/ru/material/zapadnij_frontir?fbclid=IwAR0-aKwY1CoIMVF4T5Wqdjoatgto3Ni27e2pxan0Smd7AbuPmyRQsvjywxU

4. Евстафьев Д.: «Кризис в Республике Белоруссия: новый уровень социо-информационных войн»// Еженедельник «Звезда», электронный ресурс, 07 сентября 2020 г. Режим доступа: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20208311343-vA12v.html?fbclid=IwAR20s3AHsQVh3CqJzvVg2tcopeVL0A9TG6uW4koZaJfThFHlvJms5yu9x50>

5. Еремина Н. «Геополитика против ценностей: почему у ЕС нет антикризисной стратегии для Беларуси»//Электронный портал «Эксперт.Евразия». 08 сентября 2020 г. Режим доступа: <https://eurasia.expert/pochemu-u-es-net-antikrizisnoy-strategii-dlya-belarusi/>

6. Исполитова Д. ««Век беспорядка»: что Deutsche Bank предсказал миру»// Gazeta.ru, электронный ресурс. 10.09.2020. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2020/09/10/13245590.shtml>.

7. Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2017, 512 с.

8. Хаас Р. Мировой беспорядок. Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2019, 320 с.

9. Стиглер Дж. Дж. Государство и гражданин. Эссе о регулировании. Пер. с англ. – М.: Издательство института Гайдара, 2017, 336 с.

10. Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс. Пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014, 328 с.

11. Цукерман Э. Цифровые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. Пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015, 338 с.

12. Segal A. «The Coming Tech Cold War With China. Beijing Is Already Countering Washington's Policy»// Foreign Affairs, September 9, 2020, https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2020-09-09/coming-tech-cold-war-hina?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Coming%20Tech%20Cold%20War%20With%20China&utm_cc%20112017

Geopolitical environment of Eurasian integration processes: Case of Belarus

Dmitriy Yevstafiev

*Professor of the Department of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media and Design in Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The crisis in Belarus has demonstrated a drastically changed model of organization and governance of socio-political processes in the post-Soviet geopolitical space. Post-election crisis in Belarus has emerged definitely as the result of long-term internal developments that were negatively emphasized by a number of short-term factors starting with the consequences of coronavirus pandemic and concluding with the overwhelming confidence of the leadership in the effectiveness of the previously used methods of the administration of the socio-political processes. The situation in Belarus was aggravated by the simultaneous degradation of both model of economic development and the model for providing of political stability. That internal factors coincided with the absence of understanding by Belarus leadership of the changes of the nature of the geo-economic environment in the region resulting from the intensification of the tensions inside the European Union and the desire of the US to implement the potential for influence on the countries of the New Europe that strive for the status of independent geopolitical and geo-economic players. The situation in Belarus is important for Russia and other countries of Eurasia because despite the unique features related to the specifics of not only political but also social situation in Belarus the post-election crisis and protests generally reflect global trends and targeted towards the vulnerabilities that could be found in many Eurasian countries.

Keywords: protests in Belarus, competition of civilizations, geoeconomics, post-Soviet environment, Eurasian Integration

Publication date: 07.10.2020

Citation link:

Yevstafiev D. Geopolitical environment of Eurasian integration processes: Case of Belarus // Eurasia. Expert – 2020. – Issue 1-2 [Electronic resource]. URL: <https://journal.eurasia.expert/S11111110011731-7-1> (circulation date: 02.05.2024). DOI: 10.18254/S271332140011731-7